

Четвертый Сталин

Гасан Гусейнов

5 марта 2002 года я делал для "Немецкой волны" передачу к 49-й годовщине смерти Сталина и брал интервью у историков, политиков и даже одного психоаналитика из Германии. Левые политик и историк сказали, что Сталин мертв – и мертвее не бывает. Разговор о нем может-де вестись только в академической плоскости. Консерватор, – а это был известный историк русской литературы Вольфганг Казак, – сказал: "Нельзя его забыть, чтобы он не вернулся". Психоаналитик – это была живущая во Франкфурте Ханна Лещиньска – в своем коротком рассказе показала: Сталин, образ Сталина, перебирается из эпохи в эпоху, прихватывая с собой все интересное, загадочное и опасное на каждом новом повороте восточноевропейского движения в неизвестном направлении.

Тогда, в 2002 году, русским политическим деятелем, возбудившим не только новый интерес к Сталину, стал Владимир Путин. И хотя за последовавшие 11 лет Путин в нового Сталина не превратился, самого Сталина в русской жизни стало намного больше. И, похоже, будет еще больше. А 60-летие со дня смерти этого исторического деятеля миллионы людей в России отметили водкой и слезами. Почему?

Общий ответ прост и очевиден: да потому что Россия до сих пор говорит на языке Сталина, мыслит в его политических категориях. Простонародная, низовая Россия – еще большая сталинистка, чем ее не состоятельная морально, хотя и более чем состоятельная материально верхушка. Но на языке Сталина говорит и образованная часть общества, и значительная часть тех, кто называет себя "протестным движением", "рассерженными горожанами", "оппозицией".

Почему же язык Сталина, речевой габитус этого человека, его, если воспользоваться популярной в России и отдающей эзотерикой лингвистической теорией, "языковая личность" так вирулентны? Что заставляет сегодняшних 20-30 летних людей не просто считать себя сталинистами, но и быть ими – по-настоящему, со всеми последствиями?

Во второй половине 1980-х годов образованные позднесоветские люди, получили вторую после физической смерти в 1953 году запоздалую возможность поговорить о Сталине и о том, что тот оставил – не в архивах, а в головах и в сердцах людей разных поколений. Но и этот разговор закончился неудачей.

Напомню, в первый раз о Сталине можно было заговорить после 1956 года. Но тогдашний разговор и не мог состояться, потому что тогда пришлось бы поставить под вопрос легитимность самой коммунистической партии, тогдашнего правящего класса. А поскольку сталинский правящий класс контролировал тогда все, то и тему закрыли легко и – на много десятилетий вперед. Именно тогда сложился второй сталинский язык – язык (само)обмана. Разбор преступлений эпохи, конкретных людей и конкретного человека был подменен лозунгами "преодоления культа личности и его последствий". Другая лживая формула, логический разбор которой так и не был произведен в первые постсоветские годы, это выражение "незаконно

репрессирован, реабилитирован посмертно". В свое время эта формула была героически применена и пробилась сквозь цензуру в "Краткой литературной энциклопедии" (1960-е-1970-е гг.). Но и она подменяла понятия: "террор" это не "репрессии", а "посмертная реабилитация" и вовсе невозможна. Реабилитировать, т.е. восстановить в правах для социальной и политической жизни, можно только живого человека. Здесь же "справку о реабилитации" вручали родственникам убитых. Словарь перепрятавания сталинизма в долгий ящик не разобрался несколько десятилетий, создав целое поколение недоумков, примирившихся с тем, что общечеловеческие законы логики на территории бывшего Советского Союза не действуют.

Второй же разговор прервался к началу 1990-х потому, что его вели только те, кто не договорил в 1960-е. Молодое поколение отвергло попытку увидеть в сталинской эпохе главный источник распада СССР. Наоборот, уже на уровне языка это казалось невозможным. Вот только один пример.

В 1980-е-1990-е годы, когда начал складываться рынок недвижимости, его жесткий словарь все расставил на свои места. "Сталинскими" домами называли добротные, хотя и не многочисленные, довоенные и послевоенные постройки, а "сталинками" – квартиры в этих домах. "Хрущобами", "хрущевками" называли массовое дешевое жилье, которое начали строить при Н.С.Хрущеве. Эти слова сыграли с россиянами злую шутку – похожую на ту, о которой когда-то писал Андрей Донатович Синявский: большевики победили меньшевиков, назвавшись "большевиками". Ведь больше лучше, ем меньше. Случайный историзм скрепил диффузную уверенность в "золотом веке", который был совсем недавно, за поворотом. Этот золотой век советской архитектуры и окрестили "сталинским ампиром".

Помешал разумному разговору о Сталине и приход к власти в 1999 году его идейного антипода, который, правда, сам себя счел восстановителем того лучшего, что было до "величайшей геополитической катастрофы XX века" (© Путин) – распада СССР. Разговор о Сталине снова оказался невозможным потому, что "новым Сталиным" многие как-то уж слишком охотно пытались назвать чекиста, который получил российские скипетр и корону из рук Бориса Ельцина. Слишком однозначным показалось сходство репрессивных методов, которые многим хотелось бы свести к историческому сходству личностей, портретов и традиционных функций.

А вот сталинизм, растворенный в речевом воздухе, которым дышат так называемые обыкновенные люди, которым дышит знаменитый "простой советский человек", этот сталинизм остался без внимания. Но именно этот человек, эти люди – не только В.Путин, В.Жириновский или безвестная первая учительница, но и последний привокзальный бомж, - прочитают вам лекцию о пользе Сталина или такого, как Сталин.

Да, скажут вам, Сталин нужен для сохранения единства, сурового, но справедливого властвования "в этой стране азиатских воров", как сказал когда-то один из публицистов газеты "Сегодня". Маленький садомазохист, вырастивший в себе гомункула, лицо которого – оживший бронзовый профиль с медали "Наше дело правое, мы победили!"

По-прежнему в сознании и образованного класса, и людей, принимающих решения, сидит вполне поэтическое противопоставление вот этого простого маленького человека и безличной громады владыки. Таким мы находим его в "Медном всаднике" Пушкина, это представление оседлал в свое время и Сталин, сделавший русскую классическую литературу служанкой своей идеологии.

Это осталось главным свойством русского дискурса на всех уровнях разговора – разделение "нас" на "народ" и "власть", "массу" и "вождей". При этом постулируются общие абсолютные ценности этого "мы": целостность и могущество державы, культурная самобытность "нации", мифология непротиворечивости собственной истории. Которая равно дорога всем. Была изготовлена универсальная философская и политическая, но прежде всего – языковая – модель абсолютного подчинения этой картине мира. Строки Ахматовой - "Я была тогда с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был" – стали общим девизом карателей и их жертв. Назовем несколько ключевых формул речевого поведения, доставшегося в наследство от Сталина.

Это требование либо принять всё разом, либо отвергнуть всё разом.

Это – неготовность увидеть правоту другого, неготовность к компромиссу.

Это – готовность к жертвоприношению, к человеческим жертвам.

Для корреляции двух траекторий – личной биографии человека и биографии государства, которое прекратило существовать в конце 1991 году, - нужна была огромная интеллектуальная и эмоциональная энергия. Свободная голова. Этой головы в обществе не было.

И откуда ее было взять, если голова забита сталинскими мемами, большими и маленькими сталинскими формулами.

Про левый и правый уклон – "оба хуже" – сталинская цитата. Отсюда маниакальный страх перед политическим плюрализмом, маниакальное стремление к единству.

Про политику: "Это ликвидация, а не вытеснение".

Про демократию: "Властвуют не те, кто выбирают и голосуют, а те, кто правят"; "интересы партии выше формального демократизма".

Когда недавний председатель Госдумы России Борис Грызлов заявил, что "Парламент это не место для дискуссий", никто, включая самого Грызлова, не заметил, что это всего лишь цитата из Сталина: "Партия это не дискуссионный клуб".

Про человеческие намерения: "Логика обстоятельств сильнее логики человеческих намерений".

Про достоинства "скромности" и "простоты", про героическую смерть, которая лучше негеройской жизни. Вообще про твою смерть, которая может государству пригодиться больше, чем твоя жизнь. И про твою готовность жить дальше с пониманием непредсказуемости этого государства и заведомо смиряться с диктатом сильного.

И – главный метод политической деятельности: "Разгадать лицо врага".

Почему же этот язык оказался таким живучим, почему люди продолжают слушать Сталина, вернее – прислушиваться к Сталину в себе?

Потому что сконструированный за почти целый век портрет остается, по-видимому, более интересным, страшным и завораживающим, чем все другие человеческие типы в истории России двадцатого века.

Высоколобые интеллектуалы разводят руками, пытаются понять, как такой ничтожный человек сумел навязать и собственной стране, и немалой части остального мира свое видение мировой политики и, главное, свой способ разговора об этой политике.

Люди попроще говорят: да, мистика. Харизматическая личность.

Совсем простые и малограмотные по-детски радуются, что это один из них, темный мнительный человек с уголовным прошлым, одолел – каким-то чудом! – столько и куда более могущественных противников. В этой плоскости ставил вопрос еще Лев Троцкий – первый биограф Сталина. Троцкий показал, как Сталин умел впитать "жизненную силу" своих политических противников тем, что перехватывал их язык и упрощал его, иногда в глумливой, саркастической форме.

Сталин был главным читателем и рецензентом книг в Советском Союзе. Сталин был главным зрителем кинофильмов и спектаклей в Советском Союзе. Стоит ли удивляться той взаимной настройке, которой сопровождались это чтение и этот нескончаемый просмотр? Сталинскими поэтами становились и живые, и мертвые от Пушкина до Пастернака, от Мандельштама до Тициана Табидзе.

В 1961-1962 году, в разгар интеллигентской десталинизации, Юнна Мориц написала стихотворение памяти великого грузинского поэта Тициана Табидзе, расстрелянного, по-видимому, по личному указанию Сталина в августе 1937 года. (Я не буду читать его целиком, но текст стихотворения у вас в руках, а я процитирую только два вопроса, которые повторяет поэтесса)

Памяти Тициана Табидзе

На Мцхету падает звезда.
Крошатся огненные волосы,
Крича нечеловечьим голосом
На Мцхету падает звезда.

**Кто разрешил её казнить?
И это право дал кретину
Совать звезду под гильотину?
Кто разрешил ее казнить?**

И смерть на август назначал,
И округлял печатью подпись?
Казнить звезду - какая подлость!
Кто смерть на август назначал?

**Война тебе, чума тебе,
Убийца, выведший на площадь
Звезду, чтоб зарубить, как лошадь!
Война тебе, чума тебе!**

На Мцхету падает звезда.
Уже не больно ей разбиться,
Но плачет Тициан Табидзе.
На Мцхету падает звезда.

(Юнна Мориц, 1962 г.)

Все поставленные здесь вопросы переадресованы одному "кретину". Ему поэтесса грозит "войной" и "чумой". Страшная угроза оказалась не исполненной, потому что была не исполнима.

Наоборот, тот Сталин, который первому поколению десталинизаторов казался исчадием ада, средоточием и главным виновником системы, успел именно за годы молчания о нем интеллектуально оплодотворить миллионы сограждан. А к первым годам XXI века – особенно после новой симфонии церкви и государства, достигнутой президентом Владимиром Путиным и патриархом Кириллом Гундяевым, - и миллионы так называемых верующих – тех самых, для кого опорой русского православия является не легендарный Христос, а исторический товарищ Сталин.

Три Сталина

Итак, в жизни каждого из нас, советских наследников Сталина, жило три Сталина.

Один – тeneвой, огромный герой культа. Исторический, как называл его Пастернак, "гигант дохристианской истории человечества". Тот, который "выиграл войну". Сталин из "Краткого курса". Сталин – персонаж биографии, написанной Львом Троцким, персонаж, который убил собственного автора.

Другой - тот, который умер на ковре Кунцевской дачи в книгах и фильмах. Герой литературы, Солженицына, Гроссмана, Рыбакова, но и человек. О котором написала книгу "Двадцать писем к другу" Светлана Аллилуева, дочь Сталина. Интересный злодей, сумрачный организатор, державший в руках всех и вся. Демон, после созерцания которого писатель Сергей Довлатов задал

свой сакраментальный вопрос: "Мы без конца ругаем товарища Сталина, и, разумеется, за дело. И все же я хочу спросить – кто написал четыре миллиона доносов?"

Третий – Сталин-гомункул в нас, живущий в нашем языке своими незаметными формулами и заметным бескомпромиссным, жестоким габитусом уголовного.

И вот теперь этот гомункул начал расти. Вылупившись, к русским людям приходит четвертый Сталин.

Тот, который впервые заставляет нас помещать события нашей политической истории, политической истории начала XXI века, в контекст истории советского эксперимента. Тот, который образует гораздо более живого собеседника россиян, чем когда бы то ни было за последние 60 лет.

Он не боится карикатур на себя, он ожил из анекдотов, в которых его всегда рисовали и более жестоким и кровавым, но и более хитрым и умным, чем все его противники. Он, улизнувший от следствия и суда, официально не признанный преступником никем, кроме КПСС – той самой преступной организации, вождем которой он был и которая в 1956 году его осудила на своем XX съезде. Обаяние преступника, навсегда избежавшего ответственности, – тоже часть этого нового образа Сталина.